

«Аида» на сцене дворца «Берси»

НЕ ЗНАЮ, сколько постановок пережила за свое более чем вековое существование «Аида» Верди: их не счесть. Но знаю наверняка, что нынешняя парижская войдет в историю как одна из самых ярких и необычных. Необычно все: где ставилась опера, как ставилась, кем и с чьим участием.

ГДЕ СТАВИЛАСЬ

Набережная Берси, что расположена на восточной окраине Парижа, застроена солидными, безликими «билдингами», в которых разместились не менее солидные фирмы и банковские компании. Несколько месяцев назад в монотонный пейзаж врезалось зеленым пятном замысловатое сооружение, напоминавшее трехступенчатую пирамиду. Оно поражало как формой и величиной, так и тем, что его стены снаружи представляли собой... уходящий ввысь естественный травяной газон. Это был крытый дворец спорта «Берси», названный «омниспор» — то есть универсальный, приспособленный для самых разных состязаний, для самых разных превращений: из ледовой арены в велотрек, из велотрека

в футбольное поле и т. д. А еще в его сложной конструкции предусмотрено превращение из спортивного зала в театральный, рассчитанный на тринадцать с половиной тысяч зрителей. Какие спектакли способны собрать столь огромную аудиторию? Прежде всего оперные — решила дирекция дворца «Берси». Какая из опер способна «принять» на себя первый удар? «Аида» — одна из самых притягательных для масс и зрелищных.

КЕМ И С КЕМ СТАВИЛАСЬ

Масштабы зала требовали особой, масштабной постановки. А значит, «особого» постановщика. Выбор безоговорочно пал на итальянского режиссера-декоратора «монументального профиля» Витторио Росси. Его опыт был двойным. Во-первых, в течение десяти лет он являлся главным художественным консультантом знаменитой Веронской арены — гигантского античного театра под открытым небом. Во-вторых, вся его многоплановая карьера отмечена, как вехами, новыми постановками любимой оперы — «Аиды». Сначала в Вероне. Затем в различных городах

мира, на самых разных площадках. Ставить в «Берси» для него было тем более увлекательно, что сцена дворца — две тысячи квадратных метров площади, 55 метров ширины — самая большая в мире. И предстояло решать никогда ранее не ставившиеся задачи.

Задача со многими неизвестными ожидала и французского дирижера Мишеля Плассона, который фактически стал соавтором Росси в этой работе. «Солисты, хор и оркестр находятся тут на большом удалении друг от друга, и поэтому крайне трудно обеспечить их «синхронизацию». Дирижерский пульт превращается в капитанский мостик огромного корабля, малейший маневр которого должен быть выполнен с величайшей точностью и предусмотрительностью».

Чтобы дать представление о размерах «корабля», вот несколько цифр: 130 музыкантов, 250 хористов, 70 танцоров (в опере есть балетные вставки), 250 статистов. В общей сложности 700 участников. Плюс солисты, для которых новый зал таил особенно много опасных рифов: в таком обширном пространстве певец

часто не слышит себя и, боясь не быть услышанным, форсирует голос.

Поскольку «Аида» давалась 16 вечеров подряд — а каждый такой вечер требовал в «Берси» от солистов невероятного напряжения, — на все главные партии было приглашено по несколько исполнителей из разных стран, включая Советский Союз и Болгарию. Артисты пели в спектакле по очереди.

— Мы горды тем, что на нашей афише созвездие прославленных имен. Участие таких артистов, как Елена Образцова, поднимает уровень спектакля до невиданных высот, — сказала мне Жанн Рэнге, руководитель театрального отдела Парижского литературно-художественного агентства, являющегося продюсером «Аиды».

КАК СТАВИЛАСЬ

Вот что рассказывал об этом журналистам после генеральной репетиции сам Витторио Росси:

— Великий Верди расписал вплоть до малейших деталей мизансцены «Аиды». По замыслу композитора, сильным слуховым ощущениям зрителя

должны были соответствовать не менее сильные ощущения визуальные. Однако в традиционных оперных залах замысел этот неосуществим: нет необходимого соотношения между реальным музыкальным темпом и сценическим пространством. Например, знаменитое триумфальное шествие Радамеса со своими солдатами, как правило, бывает намного короче самой музыкальной темы. Размеры «Берси» позволяют избежать статичности, заполнить массовые сцены не фиктивным, а подлинным поступательным движением, которое совпадает с движением музыки.

В «Берси» осуществлялась давняя моя мечта: решить всю оперу, от декораций до мизансцен, под знаком Солнца — символа, который так много значит в египетской мифологии. Солнце превращается как бы в свидетеля и судью происходящего. Оно благословенно светит воинам-победителям отражаясь в миди их доспехов. Оно меркнет над головами гибнущих героев, погружая мир в страшную черноту... Такое решение, по моему, концентрирует сюжет, обостряет его пафос легенды. Впрочем, судить не мне.

Судили парижане. Все шестнадцать вечеров заполняли они до отказа огромную чашу дворца. И это вопреки пессимистическим прогнозам, которые делались прессой накануне премьеры. Они касались, во-первых, акустики, плохо выдержавшей свой первый экзамен: исполнявшийся здесь месяцем раньше «Реквием» Берлиоза «потонул». Однако по этому сигналу тревоги инженеры срочно стали искать способы акустически «укрепить» помещение. В частности, создали за счет массивных, высоких декораций экран, принимающий на себя звук и равномерно отсылающий его в зал. Был рассредоточен и выдвинут в глубь партера оркестр, который разместили в специально изготовленной «раковине» из дерева — прекрасного отражателя звука. В результате после премьеры все признали: звуковой барьер преодолен.

Другой прогноз относился к самой постановке. Предсказывалось «помпезное зрелище для толпы, быющее в глаз, но не попадающее в душу», сулили «скорее античный цирк, нежели оперное искусство». И это опасение тоже имело под собой почву: так

часто суперпродукция расторяет человеческую сущность произведения в чисто внешних эффектах. А эффект ведь у Росси множество: вырастает на глазах 20-метровая пирамида; лучи солнца шестью золотыми коврами медленно скатываются к ее подножию; факельные потоки растекаются в густой ночи по всей сцене.

И тем не менее получилось не зрелище для толпы, а редкой силы спектакль, в котором монументальность не подавляет чувства, где кажущаяся «чрезмерность» массовых сцен не исключает тонкого художественного вкуса.

Секрет большой удачи и в виртуозности дирижера (Мишель Плассон управляет оркестром вдохновенно, темпераментно и в то же время гибко), и в мастерстве солистов, и в красоте хора. Однако прежде всего в самом постановщике, который, помимо бесспорного таланта архитектора сценических пространств, обладает еще одним даром, предопределившим успех. В нем, как писала одна из газет, горит пламя, зажженное Верди.

Жар от пламени доходит до последнего ряда тринадцатитысячного зала.

Елена КАРАСЕВА.

ПАРИЖ.